

2. Грустное детство. - Мать и отец. - Исключение из гимназии

Кто же был этот юноша-идеалист, потерпевший такое жестокое крушение при первой же попытке выйти в тревоженное литературное море?

Николай Алексеевич Некрасов родился 22 ноября 1821 года в каком-то захолустном местечке Винницкого уезда Подольской губернии, где квартировал полк его отца, поручика Алексея Сергеевича Некрасова, богатого ярославского помещика. Этот внешне блестящий и не лишенный природного ума офицер был, в сущности, заурядным армейцем двадцатых годов, выросшим в мрачных условиях крепостного права, - "красивым дикарем", едва умевшим подписать свое имя и больше всего на свете интересовавшимся картежной игрой, псовой охотой, женщинами и кутежами. Карты были, впрочем, родовой страстью Некрасовых: по семейному преданию, прадед поэта (воевода) и дед (штык-юнкер в отставке) проиграли в карты несколько тысяч душ крестьян; как известно, не чужд был той же слабости и сам поэт...

В 1817 году "красивым дикарем"-поручиком увлеклась, однако, красавица полька Елена Андреевна Закревская, и, так как родители последней, очевидно, неблагоклонно относились к этому увлечению, состоялся тайный увоз молодой девушки и тайный же брак. Такова семейная легенда, известная читающей России по стихам нашего поэта... Легенде этой как будто несколько противоречит ставшая теперь известной выписка из метрической книги Успенской церкви Винницкого повета [*Повет - уезд, часть области или губернии со своим управлением (Словарь В. Даля).*] о браке "адъютанта-поручика 28-го егерского полка, 3-й бригады, Алексея Сергеева сына Некрасова греко-российского исповедания с дочерью титул, советника Андрея Семенова Закревского Еленюю, того же исповедания, по учинении троекратного извещения и по взятии обыска". На первый взгляд эта выписка категорически опровергает и предание о тайном, торопливо совершенном обряде венчания, и даже о польском аристократическом происхождении матери Некрасова... Но мы не решились бы на такой скороспелый вывод: ведь в православие Елена Закревская могла перейти перед самой свадьбой, - при желании священника это могло быть делом одного дня... И, при его же желании (а богатый офицер Некрасов без труда мог его вызвать), в метрическую книгу могли быть записаны также совершенно фантастические сведения об "учинении троекратного извещения" и о "взятии обыска"... Как бы то ни было, пуская в свет "легенду", поэт основывался не только на воспоминаниях раннего детства, но и на знаменитом "письме", содержание которого он излагает в одной из задушевнейших своих поэм ("Мать") и которое он, несомненно, держал в руках, уже будучи юношей:

Я разобрал хранимые отцом
Твоих работ, твоих бумаг остатки
И над одним задумался письмом.
Оно с гербом, оно с бордюром узким;
Исписан лист то польским, то французским,
Порывистым и страстным языком.

Брак родителей Некрасова, брак по страстной любви, оказался, к сожалению, несчастным... Прекрасно воспитанная, на редкость образованная по тому времени женщина, мать Некрасова была необычным, редким явлением в малокультурном русском обществе, случайной, экзотической его гостьей; напротив, отец, - не представлявший, правда, чего-либо исключительно чудовищного на фоне мрачной эпохи двадцатых-тридцатых годов, - был самым типичным тогдашним помещиком, в достаточной степени умевшим отравлять жизнь не только своим крепостным, но и собственной семье, хотя, надо сознаться, сын не пожалел темных красок для его обрисовки: дикарь, угрюмый невежда, деспот и даже палач - подобные характеристики так и мелькают в тех местах стихотворений и поэм Некрасова, которые посвящены воспоминаниям об отце.

Последний бросил военную службу, когда будущий поэт был еще очень мал. Некрасовы переселились после этого в родовое поместье Грешнево (Ярославской губернии), и здесь потекла та удушливая, мрачная жизнь, с которой мы так хорошо знакомы по "Родине", "Несчастным", "Матери" и другим поэмам и мелким стихотворениям. Отец бражничал или пропадал целыми днями на охоте, мать, оскорбленная и униженная в лучших своих чувствах,

жила одинокой, замкнутой жизнью... Число детей быстро росло (у Некрасова было братьев и сестер тринадцать человек), но вместе с тем отношения родителей становились все холоднее и отчужденнее.

Твой властелин, - обращается поэт, уже умирая сам, к покойной матери, -

... наследственные нравы
То покидал, то буйно проявлял;
Но если он в безумные забавы
В недобрый час детей не посвящал,
Но если он разнузданной свободы
До роковой черты не доводил, -
На страже ты над ним стояла годы,
Покуда мрак в душе его царил.

А в "Несчастных" находим и более подробную картину семейной жизни (хотя, в общем, герой поэмы и не может быть отождествлен с автором, но изображение его детства и юности, несомненно, автобиографично):

Рога трубят ретиво,
Пугая ранний сон детей,
И воют псы нетерпеливо...
До солнца сели на коней -
Ушли... Орды вооруженной
Не видит глаз, не слышит слух.
И бедный дом, как осажденный,
Свободно переводит дух.
: : : : :
Осаду не надолго сняли...
Вот вечер - снова рог трубит.
Примолкнув, дети побежали,
Но мать остаться им велит:
Их взор уныл, невнятен лепет...
Опять содом, тревога, трепет!
А ночью свечи зажжены,
Обычный пир кипит мятежно,
И бледный мальчик, у стены
Прижавшись, слушает прилежно
И смотрит жадно (узнаю
Привычку детскую мою)...
Что слышит? Песни удалые
Под топот пляски удалой;
Глядит, как чаши круговые
Пустеют быстрой чередой;
Как на лету куски хватают
И рот захлопывают псы...
: : : : :
Смеются гости над ребенком,
И чей-то голос говорит:
"Не правда ль, он всегда глядит
Каким-то травленным волчонком?
Поди сюда!" Бледнеет мать;
Волчонок смотрит - и ни шагу.
"Упрямство надо наказать -
Поди сюда!" - волчонок тягу...
"А-ту его!" Тяжелый сон...

Николай Алексеевич, первенец в семье, был, по-видимому, много старше своих многочисленных братьев и сестер, и одинокое детство его протекало в невыносимо душной

нравственной атмосфере. Чтобы получить о ней понятие, достаточно прочесть "Родину" или другое стихотворение того же периода - "В неведомой глуши", которое автор, по не совсем понятным для нас мотивам, не хотел признавать оригинальным. Первоначально стихотворение было озаглавлено "Из Ларры", позже - "Подражание Лермонтову", причем в авторском экземпляре сделано было такое примечание: "Сравни: Арбенин (в драме Маскарад). Не желаю, чтобы эту подделку ранних лет считали как черту моей личности". И еще следовало ироническое добавление: "Был влюблен и козырнул". То есть: порисовался демоническим плащом сильного, много испытавшего, во всем разочаровавшегося человека...

Позволительно, однако, усомниться в полной искренности этого примечания.

Сходство стихотворений с монологами Арбенина очень слабое, чисто формальное; самый мотив разработан в нем с такими пластически реальными подробностями и столь оригинально, что "подражанием" назвать эти стихи невозможно. Несомненно, что поэта смущали следующие строки его пьесы:

Я в мутный ринулся поток И молодость мою постыдно и безумно В разврате безобразном сжег.

И действительно, по отношению к личной его биографии это абсолютная неправда! Если и были в молодости Некрасова не совсем безгрешные увлечения, то, конечно, в ней было во сто раз больше непосильно тяжелого труда, мучений бедности, благородных юношеских стремлений... Начало стихотворения дает зато вполне верную картину растлевающего влияния на юную душу отцовского дома с его рабовладельческими нравами и инстинктами:

В неведомой глуши, в деревне полудикой,
Я рос средь буйных дикарей,
И мне дала судьба, по милости великой,
В руководители псарей.
Вокруг меня кипел разврат волною грязной,
Боролись страсти нищеты, *[то есть разоренных и озлобленных рабов-крестьян]*
И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубые черты.
И прежде чем понять рассудком неразвитым,
Ребенок, мог я что-нибудь,
Проник уже порок дыханьем ядовитым
В мою младенческую грудь.

Ведь это почти то же, что находим мы и в знаменитой "Родине", где Некрасов несомненно уже говорит о самом себе:

И вот они опять, знакомые места,
: : : : : : : : : :
Где было суждено мне Божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но ненависть в душе постыдно притая,
Где иногда бывал помещиком и я;
Где от души моей, доврeменно растленной,
Так рано отлетел покой благословенный
И не ребяческих желаний и тревог
Огонь томительный до срока сердце жег...

Какие тяжелые, поистине кошмарные воспоминания вынес поэт из своего детства, видно из заключительных строк той же "Родины":

И, с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный бор...

После этого отнюдь не кажется преувеличением страдальческий крик:

Всему, что, жизнь мою опутав с первых лет,
Проклятьем на меня легло неотразимым,
Всему начало здесь, в краю моем родимом!

По счастью, в том же родном краю и в том же раннем детстве Некрасова лежит начало и всему, что было благословением его жизни. Это - обаятельно-светлый образ рано умершей мученицы-матери, навсегда воплотившей для него идеал любви и гуманности! Без преувеличения можно сказать, что более трогательного, более поэтического образа не знает не только русская поэзия, но, быть может, и вся русская литература... Смягчая и просветляя мрачные звуки некрасовской лиры, образ этот не раз спасал и самого поэта от конечного падения...

Повидайся со мною, родимая,
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
Простояла ты, грудью своей
Защищая любимых детей.

: : : : : : : :

Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
Под грозой величаво-безгласная
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебнo-светящей луне.
Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощенья
Ты, чистейшей любви божество!

: : : : : : : :

Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал - и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

Читатель, конечно, десятки раз перечитывал эту бесконечно трогательную молитву-жалобу - и, тем не менее, мы уверены, что он не посетует на нас за длинную выписку...

"Если бы Некрасов ни одной строки больше не написал, кроме этого изумительного стихотворения, - говорит Н. К. Михайловский по поводу "Рыцаря на час", - то оно одно уже обеспечивало бы ему "вечную память"; едва ли кто-нибудь, по крайней мере в молодости, мог

читать его без предсказанных поэтом "внезапно хлынувших слез с огорченного лица". Мне вспоминается один вечер или ночь зимой 1884-го или 1885 года. Я жил в Любани, ко мне приехали из Петербурга гости, большею частью уже немолодые люди, в том числе Г. И. Успенский. Поговорили о петербургских новостях, о том, о сем; потом кто-то предложил по очереди читать. Г. И. Успенский выбрал для себя "Рыцаря на час". И вот: комната в маленьком деревянном доме; на улице, занесенной снегом, мертвая тишина и непроглядная тьма; в комнате, около стола, освещенного лампой, сидит несколько человек, повторяю, большею частью немолодых; Глеб Иванович читает; мы все слушаем с напряженным вниманием, хотя наизусть знаем стихотворение. Но вот голос тещи слабеет, слабеет и - обрывается: слезы не дали кончить... Простите, читатель, это маленькое личное воспоминание. Но ведь оно, пожалуй, даже не личное. По всей России ведь рассыпаны эти маленькие деревянные домики на безмолвных и темных улицах; по всей России есть эти комнаты, где читают (или читали?) "Рыцаря на час" и льются (или лились?) эти слезы..."

Для нас важно сейчас констатировать, что эта способность будить в читателях "благие порывы" в свою очередь заложена была в душу Некрасова его матерью. Польша по происхождению и воспитанию, против воли родителей вышедшая за русского офицера, после нескольких лет походной жизни она очутилась в чужой ей до тех пор, грубой обстановке захолустного помещичьего дома и здесь, окруженная "роем подавленных и трепетных рабов", одинокая, оскорбленная, увядала, как та сказочная царевна, которую жестокий колдун держит и терзает в плену... Но в сказке, с горечью говорит Некрасов в своих "Несчастных", придет благородный витязь, убьет злого волшебника и, бросив к ногам освобожденной красавицы ключья его негодной бороды, предложит ей свою руку и сердце... В действительности все было ужаснее. Без всякой надежды на освобождение, "любя, прощая, чуть дыша", "святая женская душа" целых двадцать лет провела в своей пустыне, - всю молодость, всю жизнь!

По счастью, мать Некрасова умела не только плакать и "легкой тенью" бродить по липовым аллеям грешневского сада; не умея бороться активно, она в высокой степени обладала способностью борьбы пассивной, она была "горда и упорна" (качество, всецело унаследованное и ее сыном-первенцем). Она могла терпеть, нести свой крест "в молчании рабы", но жила и действовала все-таки по-своему, так, как подсказывало ей любящее сердце. Ее сын и певец рассказывает, что, осужденная сама на страдания, за страдания же полюбила она и свою новую родину.

Несчастлива ты, о родина, я знаю, -

влагает он в ее уста обращение к Польше начала тридцатых годов, эпохи первого польского восстания, -

Весь край в крови, весь заревом объят,
Но край, где я люблю и умираю,
Несчастнее, несчастнее стократ!

И в продолжение двадцати долгих лет она была ангелом-хранителем не только для собственных детей, но и для крепостных рабов. "Ты не могла голодному дать хлеба, ты не могла свободы дать рабу; но лишний раз не сжало чувство страха его души, но лишний раз из трепета и праха он поднял взор бодрее к небесам". И не может быть никакого сомнения в том, что семена любви к несчастному поработанному народу посеяны были в душе нашего поэта именно рукою его страдальницы-матери. Рисуя впоследствии (в поэме "Пир на весь мир") симпатичный образ семинариста Гриши, Некрасов, быть может, не об одном Добролюбове вспоминал, когда говорил:

И скоро в сердце мальчика
С любовью к бедной матери
Любовь ко всей вахлячине
Слилась - и лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Что будет жить для счастья

Убогого и темного
Родного уголка...

Если не жить для счастья убогого и темного люда, то работать для него, несомненно, мечтал и юноша Некрасов. Гуманное влияние матери заключалось не в одном лишь примере, но и в непосредственном воздействии. Она была человеком образованным; на полях оставшихся после ее смерти польских книг, привезенных когда-то с далекой родины, сын ее - поэт - нашел впоследствии ряд заметок, обнаруживавших пылкий ум и глубокий интерес к предмету чтения. уходя мыслью к временам раннего детства, он припоминает, как в зимние сумерки у догорающего камина она держала его на коленях и ласковым, мелодическим голосом рассказывала под завывание вьюги сказки "о рыцарях, монахах, королях".

Потом, когда читал я Данте и Шекспира,
Казалось, я встречал знакомые черты:
То образы из их живого мира
В моем уме напечатлела ты.

Таким образом, и первая искра любви к поэзии была заронена в душу Некрасова тоже матерью; известно, что семи лет от роду он уже писал стихи, и даже сохранилось его детское четверостишие, обращенное к матери:

Любезна маменька, примите
Сей слабый труд
И рассмотрите,
Годится ли куда-нибудь.

Из всего этого видно, что чуткая, нервно-впечатлительная душа будущего поэта на заре сознательной жизни находилась под двумя резко противоположными влияниями; и, быть может, эти-то влияния и послужили фундаментом при создании загадочно-сложного, полного таких удивительных контрастов характера поэта; они же определили и характер его одновременно реальной и идеалистической музыки.

Мы проходим мимо гимназического периода жизни Некрасова, так как в литературе имеются пока лишь глухие, отрывочные и часто противоречивые сведения об этих годах. Каковы были его учителя, товарищи? Какой уровень знаний и нравственного развития давала тогдашняя ярославская гимназия своим ученикам? Как жили, что делали и читали эти последние вне стен учебного заведения? Восстановить полную картину этих лет жизни Некрасова вряд ли уже удастся. Одно не подлежит сомнению: пребывание в гимназии в значительной степени освободило Некрасова от гнетущих пут отцовского деспотизма и рано развило в его характере черту самостоятельности. В родительскую деревню он приезжал в эти годы только на рождественские, пасхальные и летние каникулы, все же остальное время жил с младшим братом в городе на частной квартире, пользуясь почти безграничной свободой. Правда, к нему с братом приставлен был крепостной дядька, но надзор этот ограничивался лишь материальной стороной жизни молодых барчуков, а никак не умственной или нравственной. Существует указание (опирающееся, кажется, на рассказ сестры поэта), будто Некрасов-гимназист злоупотреблял этой свободой, участвуя в товарищеских пирушках и других нездоровых развлечениях, учась плохо и к гимназическому начальству относясь непочтительно (между прочим, он писал сатирические стихи на учителей, - обстоятельство, повлиявшее будто бы и на невольное удаление его из четвертого или пятого класса)...

Семейное предание это не следует, однако, принимать с абсолютным доверием. Известно ведь, как относится обыкновенно семья к исключенному из училища юноше: обвиняют во всем его одного, охотно преувеличивают и раздувают до грандиозных размеров его шалости, его распущенность... Тому, что в действительности все было далеко не так, порукой служат те же "Мечты и звуки", составившиеся главным образом из стихотворений, писанных в гимназические годы и, однако, проникнутых светлым идеализмом и глубоким религиозным чувством. Не такова была натура Некрасова, чтобы систематически предаваться лени, шалопайству и тем более распутству. Шестнадцатилетним юношей очутился он на еще большей свободе, в Петербурге, совсем уже вдали от родительского глаза, - и это ничуть не

помешало ему (даже если и бывали временами увлечения и ошибки) упорно трудиться и идти по раз намеченному пути. Природная искра Божия и идеалистическое влияние матери, очевидно, были крепким щитом против всех недобрых и темных сил жизни.